

Slovanský ústav AV ČR, v. v. i.

**Zasedání Komise pro gramatickou stavbu
slovanských jazyků při Mezinárodním
komitétu slavistů**

**Заседание Комиссии по изучению
грамматической структуры славянских
языков Международного комитета
славистов**

Pod záštitou Českého komitétu slavistů

Praha 14. – 16. 9. 2016

Zasedání Komise pro gramatickou stavbu slovanských jazyků
při Mezinárodním komitétu slavistů

Заседание Комиссии по изучению грамматической
структуры славянских языков Международного комитета
славистов

Program

Abstrakty příspěvků

Praha 14. – 16. 9. 2016

Jednání konference:
Akademické konferenční centrum
Husova 4a
Praha 1
www.akc-avcr.cz

Adresa organizátorů:
Slovanský ústav AV ČR
Valentinská 1
Praha 1
tel.: +420 224800251
tel.: +420 224800275
e-mail: skwarska@slu.cas.cz

Web Komise: <http://www.slu.cas.cz/6-kgssj.html>

Program

14. 9. 2016

9:15-9:45 Registrace / Регистрация

9:45-10:00 Zahájení / Открытие заседания

Jednání vede / Председатель секции Jarmila PANEVOVÁ

10:00-10:30 J. Kořenský: Teze PLK jako cesta k procesuálním gramatikám slovanských jazyků (s. 23)

10:30-11:00 Ю. Д. Апресян: Грамматика глагола в Активном словаре русского языка (на примере знать 1) (s. 9–10)

11:00-11:30 M. Grochowski: Przymiotnikowe i przysłówkowe wykładniki pojęcia odpowiedniości w języku polskim (s. 15)

11:30-12:00 И. Куцаров: Грамматикализованные значения болгарского глагола на фоне спряжения в остальных славянских языках (s. 25)

12:00-13:30 PŘESTÁVKA NA OBĚD /
ПЕРЕРЫВ НА ОБЕД

Jednání vede / Председатель секции Adrian BARENTSEN

13:30-14:00 В. С. Храковский: Категория вида в русском языке: формальный статус (s. 17–19)

14:00-14:30 T. Berger: Существуют ли видовые перифразы в славянских языках? (s. 13)

14:30-15:00 H. Schaller: Болгарская глагольная система: славянские и балканские основы (s. 34)

15:00-15:30 PŘESTÁVKA NA KÁVU / КОФЕ, ЧАЙ

Jednání vede / Председатель секции Magdalena DANIELEWICZOWA

15:30-16:00 J. Panevová: K marginálním infinitivním konstrukcím (zejména v češtině) (s. 31)

16:00-16:30 A. Barentsen: О союзе *s тех поф как* и его соответствиях в славянских языках (s. 11–12)

- 16:30-17:00 H. Tommola: Обстоятельства времени в грамматике (s. 35–36)
- 17:00-17:30 A. Žele: Гипотаксис в словенском языке: роли придаточных предложений с точки зрения особенности / Hipotaksa v slovenščini: vloge odvisnih stavkov z vidika posebnosti (s. 41)

PROCHÁZKA PO PRAZE / ПРОГУЛКА ПО ПРАГЕ

15. 9. 2016

Jednání vede / Председатель секции Andreja ŽELE

- 10:00-10:30 P. Ницолова: Некоторые вопросы в связи с максимальной Грайса о качестве сообщения (s. 26–28)
- 10:30-11:00 Ljub. Popović: О типологии исказа (s. 32)
- 11:00-11:30 Б. Ю. Норман: Категория посессивности с позиций когнитивной лингвистики (s. 30)
- 11:30-12:00 M. Danielewiczowa: “Przysnęło mu się”. О pewnej polskiej operacji z udziałem “się” (s. 14)

12:00-13:30 PŘESTÁVKA NA OBĚD /
ПЕРЕРЫВ НА ОБЕД

Jednání vede / Председатель секции Jan KOŘENSKÝ

- 13:30-14:00 T. Reuther: Способы глагольного действия в словаре и в грамматике / Aktionsarten der Verben im Wörterbuch und in der Grammatik
- 14:00-14:30 V. Wiemer: Перфекты в славянских языках (s. 38–40)
- 14:30-15:00 Ljud. Popović: О пассиве сербского плюсквам-перфекта и его аналогах в других восточных и западных славянских языках (s. 33)
- 15:00-15:30 PŘESTÁVKA NA KÁVU / КОФЕ, ЧАЙ

Jednání vede / Председатель секции Boris NORMAN

- 15:30-16:00 J. Wajszczuk: Проблемы квалификации и классификации союзов и частиц как операторов сферы *ragole* (на материале польского и русского языков) (s. 37)
- 16:00-16:30 M. Nomachi: Use of the numeral *jeden* 'one' as an indefinite marker in Kashubian in comparison with other Slavic languages (s. 29)
- 16:30-17:00 Л. Л. Иомдин: Между синтаксической фраземой и синтаксической конструкцией. Нетривиальные случаи микросинтаксической неоднозначности (s. 20–22)
- 17:00-17:30 E. Kralčák: Gramatikalizácia versus lexikalizácia? K syntaktickej validite gramatikalizačných a lexikalizačných procesov (s. 24)
- 17:30-18:00 PŘESTÁVKA NA KÁVU / КОФЕ, ЧАЙ
- 18:00-19:00 Pracovní zasedání Komise / Рабочее совещание членов Комиссии
- VEČEŘE / УЖИН

16. 9. 2016

VÝLET / ЭКСКУРСИЯ: PLZEŇ,
KLÁŠTER / МОНАСТЫРЬ PLASY

Абстракты příspěvků

Грамматика глагола в Активном словаре русского языка (на примере **знать 1**)

Юрий Дереникович Апресян

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва
Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН, Москва
juri.apresjan@gmail.com

1. Синописис (семантическая структура) глагола **ЗНАТЬ**

знать 1 'иметь истинную информацию о чем-л.': *знать, что он болен.*

знать 2.1 'иметь знания об объекте и понимать его': *знать людей.*

знать 2.2 'иметь практическое умение': *знать приемы самбо.*

знать 3.1 'быть знакомым с кем-л.': *знать многих знаменитостей.*

знать 3.2 'зная 3.1 кого-л., считать, что он R': *знать его как честного человека.*

знать 4.1 'не бывать в состоянии': *не знать колебаний <сомнений>.*

знать 4.2 'не иметь в своем опыте': *не знать поражений.*

знать 5 'продолжать делать что-л., несмотря ни на что': *А он знает себе заливается.*

знать 6, прост. 'наверное, видимо': *Знать, забил сердечко тревогу*
(А. Некрасов).

В докладе речь пойдет только о грамматике лексемы **знать 1**. Данная лексема имеет элементарное значение и не толкуется; указывает на то, что человек А1 имеет истинную информацию А2 об объекте или явлении А3, полученную из источника А4.

2. Управление **знать 1** (А_i – i-ый актанта глагола; иллюстрации – выборочные)

А1 % ИМ.

А2 % ВИН: *знать прогноз погоды; знать грибные места.*

% что ПРЕДЛ: *знать, что муж ей изменяет.*

% ВОПР: *знать, ↓ что будет на обед <как пахнет жасмин, где его искать>.*

А3 % о ПР: *(Что ты) об этом человеке знаешь?*

% за ТВОР: *знать за собой (кое-какие слабости).*

А4 % откуда: *Откуда (ты это) знаешь?*

% от РОД: *знать от родителей.*

% из РОД: *знать из надежных источников.*

1. Если А2 = ВИН, А2 допускает преобразование в косвенный вопрос: *знать прогноз погоды – знать, каков прогноз погоды; Он знает своих врагов – Он знает, кто его враги.*

2. Затруднено совместное выражение А2 и А3, за исключением двух случаев: а) когда А2 выражено вопросительным местоимением *что*, местоимением с частицами *то*, *либо*, *нибудь*, *кое*- или количественным наречием типа *всё*, *много*, *немного*, *мало*: *Что ты о нем знаешь?*; *Ты о нем что-нибудь знаешь?*; *Я о нем кое-что знаю <знаю всё>*; б) когда А3 предшествует А2, часто как контрастная тема: *Я понимал, что о дяде они знают всё*.

3. Характерные для **знать I** невалентные конструкции

1. Для формы 1-Л НАСТ характерно опущение подлежащего: *Не знаю, нормально ли это*. При этом в разговорной речи предложение с опущенным при **знать I** подлежащим легко разрывает словосочетания: *Всё это жильё превращалось даже не знаю во что*.

2. В форме 2-Л НАСТ с придаточным дополнительным [часто с местоимением *что*] имеет следующие сдвинутые значения: а) 'Говорящий сообщает, что сейчас он скажет нечто, что считает новым и интересным для адресата': *Знаешь, лицо как газон: бывает старфый, но ухоженный; Знаешь что, зайдём к нему*; б) 'Говорящий выражает свое недовольство происходящим или адресатом, которого он считает виновником происходящего': *Знаешь что, давай не шутить на эти темы*.

3. В форме ПОВЕЛ с придаточным дополнительным имеет значение знания, которым говорящий делится с адресатом: *Знай, что она тебя любит*.

4. В форме 1-Л НАСТ в предложениях с инверсией подлежащего и сказуемого, с сильным фразовым ударением на *знать* выражает различные оттенки отрицательного отношения говорящего к объекту А2, особенно недоверие: ↓ *Знаю я его*, ↓ *Знаю я вас*.

О союзе с *тех пор как* и его соответствиях в славянских языках

Adrian Barentsen

Universiteit van Amsterdam
a.a.barentsen@uva.nl

В системе выражения такисных отношений союзы типа *пока (не)* и *с тех пор как* занимают особое место из-за специфической двойственности их семантики. Эти союзы своеобразно комбинируют значение одновременности со значением следования (*у пока (не)*) или предшествования (*у с тех пор как*). При этом действие зависимой части предложения определенным образом ограничивает проявление действия главной. Союз *пока (не)* указывает на ограничение «справа», а *с тех пор как* – на ограничение «слева». Каждый из двух компонентов значения этих союзов – «фон» и «граница» – может выдвигаться на первый план в зависимости от выбора видовременных форм в обеих частях предложения. В ряде публикаций и докладов, в том числе в рамках нашей Комиссии, внимание было направлено на основные особенности союзов типа *пока (не)*. Теперь мы обратимся к союзам типа *с тех пор как*, учитывая и факты других славянских языков. Особое внимание будет уделено двум вопросам: 1) как проявляются в таких конструкциях различия между этими языками в составе временных форм; 2) отражаются ли в них различия в значении и употреблении видов, отмеченные в новейших работах по сопоставительной аспектологии. Это, конечно, обширная область исследования, и в докладе можно будет обсудить лишь первые шаги в указанном направлении.

В качестве иллюстрации исследуемого материала ниже приводится русский пример, который можно считать прототипическим для данного союза, с его переводами на другие славянские языки. Эти переводы содержат соответствия союза *с тех пор как*, хотя это не обязательно значит, что они являются его наиболее близкими соответствиями. Предварительный анализ материала показывает, что в средствах выражения данного значения наблюдается достаточно большая вариативность. В словацких текстах, например, был найден следующий ряд: *odkedy, odvtedy čo, odvtedy ako, od tých čias čo* и *od tých čias ako*. Не сразу ясно, относятся ли формальные различия между ними к области стилистики или семантики. В докладе будут показаны возможные семантические различия между *с тех пор как*, с одной стороны, и *с того времени когда*, с другой. По нашему мнению, они связаны с тем, что союз *с тех пор как* требует специфической локализованности во времени: действие зависимой части не может быть расположено целиком после момента речи, и данное сочетание действий главной и зависимой частей не может повторяться. По нашему мнению, это объясняется тем, что союз *с тех пор как* содержит определенный «дейктический компонент»: предполагается специфическая связь обозначаемых действий с «дейктическим центром» – моментом речи (или с его аналогом в прошлом). В семантике сочетания *с того времени когда* этот компонент, видимо, отсутствует (как, впрочем, и у союза *пока (не)*). В связи с этим возникает вопрос, насколько данное различие проявляется в других языках. Предварительные данные указывают на то, что, например, в чешском языке, обоим русским конструкциям соответствуют одни и те же союзы типа *od té doby co*.

Николай Островский *Как закалялась сталь*

Ру	С тех пор как Дмитрия послали секретарем Печорского райкома, он <i>не приходит</i> больше вечерами на учебу.
БР	З той пары, калі Дзмітрыя паслалі сакратаром Пячэрскага райкома, ён <i>не прыходзіць</i> больш вечарамі на вучобу.
Ук	Відколи Дмитра послали секретарем Печерського райкомолу, він <i>не приходить</i> більше вечорами на навчання.
Бг	Откак го изпратиха секретар на Печерския райком на комсомола, Дмитрий <i>не идва</i> вече на вечерните занимания.
Мк	Откако Дмитриј го испратија за секретар на Печерскиот реонски комитет на комсомлот, тој повеќе <i>не доаѓа</i> на вечерните курсеви.
Сб	Откако су Димитрија послали за секретара печерског рејонског комитета он више <i>не долази</i> на учење.
Хр	Otkako su Dimitrija poslali za sekretara Pečerskog rajkomola, on više <i>ne dolazi</i> na učenje.
Сн	Odkar so poslali Dmitrija za tajnika v pečerski rajkomol, <i>ne prihaja</i> več zvečer k pouku.
ВЛ	Z toho časa, zo su Dmitrija powoľali za sekretara Pječerskeho Měščansko-wobwodneho młodžinskeho komiteja, hižo k nam na wječorny kružk <i>njehodži</i> .
Чш	Od té doby, co byl Dmitrij ustanoven sekretářem Pečorského obvodního Komsomolu, <i>nepřichází</i> večer do vyučování.
Ск	Odkedy dali Dmitrija za tajomníka pečorského okresného výboru Komsomolu, <i>nehodí</i> sa už večer učiť.
По	Odkąd Dmitrija posłano jako sekretarza do Peczerskiego Komitetu Rejonowego Komsomolu, <i>nie przychodzi</i> więcej wieczorami na szkolenie.

Существуют ли видовые перифразы в славянских языках?

Tilman Berger

Universität Tübingen
tberger@uni-tuebingen.de

В статье 2011 года В. А. Плуноян говорит о том, что славянские аспектуальные системы специфичны тем, что „в формальном отношении имеется только одна оппозиция совершенного и несовершенного вида, но при этом каждая граммема является в высокой степени полисемичной по отношению к значениям из универсального грамматического набора“ (Плуноян 2011: 296). В многих других языках существует намного больше элементарных аспектуальных граммем, выраженных разными средствами. Для итальянского языка, например, характерно наличие множества видовых перифраз (ср. Dessì Schmid 2014).

В своем докладе я собираюсь сосредоточиться на рассмотрении вопроса, не существуют ли также в славянских языках, хотя бы на периферии системы, более или менее грамматикализованные видовые перифразы для выражения таких граммем, как проспектив, инцептив, прогрессив/дуратив, комплетив, результатив (Плуноян 2011: 294).

Литература:

Dessì Schmid 2014: Dessì Schmid, S.: *Aspektualität. Ein onomasiologisches Modell am Beispiel der romanischen Sprachen*. Berlin: De Gruyter.

Плуноян 2011: Плуноян, В. А.: Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме). *Scando-Slavica* 57, 290–309.

Przysnęło mu się.* Об одной польской операции с участием *się

Magdalena Danielewiczowa

Uniwersytet Warszawski
m.m.danielewicz@uw.edu.pl

В докладе анализируются польские конструкции типа: *zasnęło jej się, zablądziło im się, umarło mu się*. Автор пытается описать языковой статус, а также грамматические и семантические свойства слова *się* в приведенных выше конструкциях, в которых оно не просто активно участвует, а играет основополагающую роль. Мы будем называть его акцидентальное *się*.

В отличие от других возможных употреблений и функций *się*, в данном случае это не столько обыкновенное возвратное местоимение, сколько показатель операционной единицы, принадлежащей скорее к грамматическому, чем к лексическому компоненту языка. Ее функция по своей природе генерирующая. Таков главный тезис доклада.

На класс операндов этой единицы, к которому принадлежат перфективные глаголы, называющие события и завершённые процессы, накладываются семантические ограничения:

- а) они касаются субъекта данного исходного состояния, а не какого-то внешнего по отношению к нему объекта;
- б) они полностью независимы от воли субъекта, он не может контролировать или остановить эти изменения;
- в) они воспринимаются как нежелательные с точки зрения субъекта. Эти ограничения подробно обсуждаются в докладе.

Przymiotnikowe i przysłówkowe wykładniki pojęcia odpowiedniości w języku polskim

Maciej Grochowski

Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Toruń
maciej.grochowski@umk.pl

Fakt, że liczne jednostki o postaci typowej dla przymiotnika i przysłówka są semantycznie nieprzezroczyste, jest dobrze znany z literatury językoznawczej (DANIELEWICZOWA 2007, 2012). Jednak tylko niewielka część takich jednostek została rozpoznana i zbadana.

Dla pewnej grupy wyrażen charakterystyczne jest to, że w jednych użyciach nadawca za ich pomocą ocenia zależności między stanami rzeczy poza językiem, a w innych komentuje to, co zostało powiedziane. Grupę taką tworzą przymiotniki i równoległe do nich przysłówki, formalnie deadiektywne, komunikujące relację odpowiedniości; por. *odpowiedni – odpowiednio, stosowny – stosownie, właściwy – właściwie, analogiczny – analogicznie*.

Przedmiotem szczegółowej analizy jest pierwsza para wyrażen. W słownikach języka polskiego są one opisane niejednorodnie (przede wszystkim z punktu widzenia hipotetycznej bisemii). W nielicznych wzmiankach na temat tych wyrażen w literaturze (GRZEGORCZYKOWA 1975: 121; TOPOLIŃSKA 1983; 1984) dominuje pogląd o ich funkcji oceniającej. Jedynie WIERZBIČKA (1969: 130; 1980: 245–248), krytykując teorię redukcji spójnikowej i zwracając uwagę na metajęzykowy charakter koniunkcji, interpretuje ang. *respectively* jako znak instrukcji do wykonania substytucji wyrażen użytych w poprzedzającym kontekście wyrażeniami użytymi aktualnie.

W tym referacie stawiam hipotezę (mimo przekonania o potrzebie redukcjonizmu w analizie semantycznej) o istnieniu dwóch jednostek o kształcie przymiotnika, *odpowiedni 1*, por. (1), (2), *odpowiedni 2*, por. (3), (4), i dwóch jednostek o kształcie przysłówka, *odpowiednio 1*, por. (5), (6), *odpowiednio 2*, por. (7), (8). Różnice między tymi jednostkami ilustrują wypowiedzenia:

- (1) *Szukam kandydatów odpowiednich do pracy na wysokości.* (WSFJP)
- (2) *Lekarz to nie jest zawód odpowiedni dla osoby, która nie lubi ludzi.* (WSFJP)
- (3) *Przyrost dochodu narodowego jest rezultatem pomnożenia przyrostu wydatków państwa przez odpowiedni mnożnik k.* (NKJP)
- (4) *Taka implikacja jest prawdziwa i zachodzi odpowiedni związek między tym, co głosi jej poprzednik, a tym, co głosi następnik.* (NKJP)
- (5) *B. nie potrafi się odpowiednio zachować jako gość w obcym domu.* (NKJP)
- (6) *Jeśli przerywanym towarzyszem była kobieta, to musiała zbierać w obu rękach i odpowiednio przenieść długą do kostek spódnicy.* (NKJP)
- (7) *Okres wypowiedzenia umowy o pracę obejmujący tydzień lub miesiąc kończy się odpowiednio w sobotę lub w ostatnim dniu miesiąca.* (NKJP)
- (8) *W Senacie przed wyborami republikanie zajmowali 44 miejsca, demokraci – 56, po wyborach odpowiednio 53 i 47 miejsc.* (NKJP)

Jednostka *odpowiedni 1* jest dwuargumentowa, może być orzekana o osobie, może być użyta predykatywnie, podlega negacji, ma formę superlatywu. Jednostka *odpowiedni 2* nie ma żadnej z tych cech.

Nie jest wykluczone, że *odpowiedni 1* jest semantycznie derywatem od przysłówka *odpowiednio 1*. Natomiast opozycja *odpowiednio 1* – *odpowiednio 2* jest pod względem składniowym i semantycznym głębsza niż między członami pary przymiotnikowej. O ile *odpowiednio 1* spełnia warunki przynależności do klasy przysłówek (może nawet występować w pozycji otwieranej przez niektóre czasowniki, por. (5)), to *odpowiednio 2* bez wątpienia przysłówkiem nie jest. Jednostka ta reprezentuje klasę operatorów metatekstowych. Nie została zaliczona do partykuł (GROCHOWSKI – KISIEL – ŻABOWSKA 2014), nie jest naturalnie spójnikiem (WAJSZCZUK 1997). Status gramatyczny *odpowiednio 2* wymaga zbadania.

Kierunek analizy semantycznej ang. *respectively*, zaproponowany przez Annę Wierzbicką wiele lat temu, jest trafny. Jej sugestie należy wziąć pod uwagę, poszukując reprezentacji semantycznej *odpowiednio 2*. Za pomocą tej jednostki stwierdza się tożsamość następstwa tego, co jest aktualnie powiedziane, z następstwem tego, co zostało wcześniej powiedziane. Pojęcie następstwa implikuje dwa argumenty (GROCHOWSKI 2004). A zatem po obu stronach jednostki *odpowiednio 2* obecność co najmniej dwóch przeciwstawnych obiektów językowych jest konieczna.

Jednostki *odpowiedni 2*, *odpowiednio 2* występują wprawdzie w języku ogólnym, są jednak charakterystyczne dla języka aktów prawnych i tekstów naukowych.

Literatura cytowana:

- DANIELEWICZOWA 2007: DANIELEWICZOWA, M.: Przymiotniki nieprzymiotniki. O pewnym niezwykłym typie wyrażen w języku polskim. *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 71–72, s. 223–236.
- DANIELEWICZOWA 2012: DANIELEWICZOWA, M.: *W głąb specjalizacji znaczeń. Przysłówkowe metapredykaty atestacyjne*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej UW.
- GROCHOWSKI 2004: GROCHOWSKI, M.: Succession and sequence. Semantic relations. *Studies in Polish Linguistics* 1, s. 61–80.
- GROCHOWSKI – KISIEL – ŻABOWSKA 2014: GROCHOWSKI, M. – KISIEL, A. – ŻABOWSKA, M.: *Słownik gniazdowy partykuł polskich*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- GRZEGORCZYKOWA 1975: GRZEGORCZYKOWA, R.: *Funkcje semantyczne i składniowe polskich przysłóweków*. Wrocław: Ossolineum.
- NKJP: *Narodowy korpus języka polskiego*. On-line: [www.nkjp.pl]
- TOPOLIŃSKA 1983: TOPOLIŃSKA, Z.: W poszukiwaniu kryptozaimków. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* 40, s. 191–196.
- TOPOLIŃSKA 1984: TOPOLIŃSKA, Z.: Semantic implication: adjective → noun. In: *Uppsala Slavic Papers 10. Polish Text Linguistics*, ed. L. Lönngren. Uppsala: Uppsala universitet, s. 147–155.
- WAJSZCZUK 1997: WAJSZCZUK, J.: *System znaczeń w obszarze spójników polskich. Wprowadzenie do opisu*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej UW.
- WIERZBICKA 1969: WIERZBICKA, A.: *Dociekania semantyczne*. Wrocław: Ossolineum.
- WIERZBICKA 1980: WIERZBICKA, A.: *Lingua mentalis. The semantics of natural language*. Sydney: Academic Press.
- WSFJP: MÜLDNER-NIECKOWSKI, P.: *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa: Świat Książki 2003.

Категория вида в русском языке: формальный статус

Виктор Самуилович Храковский

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

khrakovv@gmail.com

Видообразование в русском языке происходит с помощью двух деривационных морфологических механизмов: префиксального и суффиксального. Благодаря префиксальному механизму, который реализуется с помощью целого ряда приставок, от исходных морфологически непродеривированных глаголов НСВ (типа *писать, жить, петь*), чье аспектуальное значение детерминируется акциональным классом, к которому относятся эти глаголы, образуются производные глаголы СВ (типа ***на-писать, за-писать, про-писать, пере-писать; на-жить, за-жить, про-жить, пере-жить; на-петь, за-петь, про-петь, пере-петь***). При этом в отдельных случаях, не детерминируемых какими-либо ясными правилами, некоторые производные глаголы СВ выступают в роли видовых партнеров исходных глаголов НСВ. Таковую пару, например, составляют глаголы *писать* (НСВ) и *написать* (НСВ).

Благодаря суффиксальному механизму, который реализуется с помощью всего двух суффиксов (*-(у/ы)ва-* и *-а-*) от производных глаголов СВ в свою очередь образуются производные глаголы НСВ (типа *запис-ыва-ть, пропис-ыва-ть, перепис-ыва-ть; напе-ва-ть, запе-ва-ть, пропе-ва-ть, перепе-ва-ть, обуч-а-ть*), т.н. вторичные имперфективы, которые относительно регулярно, хотя, как будет показано в докладе, и не всегда, являются видовыми партнерами своих исходных глаголов СВ.

И значение СВ, и значение НСВ нераздельно связаны с лексемой глагола (Гловинская 1982). Иными словами, вид является лексически детерминированной категорией, и, таким образом, все формы одной лексемы, как финитные, так и нефинитные, являются видовыми формами. Соответственно у многозначного глагола вид может различным образом реагировать на разные лексические значения, т.е. на лексемы.

Тем самым вид отличается от других категорий глагола, в частности, от категории времени, которая есть не у всех нефинитных форм и реагирует на вокабулу, т.е. на все лексические значения многозначного глагола одинаковым образом.

Несколько упрощая реальное положение дел, но, очевидно, несколько его не искажая, можно утверждать, что на принципиальный вопрос о формальном статусе категории вида предлагаются три ответа.

Первый ответ: вид – грамматическая, т.е. словоизменительная категория, тесно взаимодействующая с категориями времени и наклонения и образующей вместе с ними триаду т.н. ТАМ-категорий. Четкая формулировка определения категории вида в рамках этого, можно сказать, традиционного подхода принадлежит Ю.С. Маслову: «Вид глагольный (в междунар. терминологии аспект) – грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, «как протекает во времени или как распределяется во времени» (А.М.Пешковский) обозначенное глаголом действие» (Маслов 1990: 83–84), ср. (Сомрие 1976). При таком подходе как видовые квалифицируются и пары: глагол СВ (производный имперфектив) – глагол НСВ (вторичный имперфектив) (типа *записать* –

записывать), и пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) (типа *писать* – *написать*).

Второй ответ: вид – словоклассифицирующая (словообразовательная) категория, в рамках которой «объединение двух глаголов разного вида в пару не означает в данном случае автоматического признания их формами одной лексемы, а свидетельствует скорее о существовании особенно тесных контекстных связей между ними, т. е. об их семантико-прагматической, а не грамматической близости» (Плунгян 2011: 409), ср. (Данл 1985). И в рамках данного подхода видовыми считаются как пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) (типа *писать* – *написать*), так и пары: глагол СВ (производный перфектив) – глагол НСВ (вторичный имперфектив) (типа *записать* – *записывать*).

И третий ответ: вид в русском языке – своего рода гибридная категория. Видовые пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) (типа *писать* – *написать*) относятся к словоклассифицирующей категории вида, тогда как пары глагол СВ (производный перфектив) – глагол НСВ (вторичный имперфектив) (типа *записать* – *записывать*) образуют собой грамматическую словоизменительную категорию вида. Мысль о том, что собственно грамматическую категорию вида в русском языке образуют только пары глагол СВ (производный перфектив) – глагол НСВ (вторичный имперфектив) принадлежит С.И. Карцевскому, который пары глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) считал только похожими на видовые и оставлял их за рамками категории вида. В наши дни идеи С.И. Карцевского развивает Е.В. Горбова, которая в своей хорошо документированной работе (Горбова 2015), признавая словоклассифицирующий характер оппозиции глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) и апеллируя к работам А. Барентсена (BARENTSEN 1985) и Х. Томмолы (Томмола 2008), полагает, что механизм образования вторичного имперфектива от перфектива «не затрагивает ни лексическое значение, ни валентностные свойства основы, сформированные с участием уже вошедших в нее префиксов, а также индифферентен к акциональности (префигированной) СВ-основы. Таким образом мы получаем морфологически четко обозначенную сферу действия грамматического (аспектуального по семантике) словоизменения русского глагола – суффиксальной вторичной имперфективации» (Горбова 2015: 31–32).

В докладе будет сделана попытка показать, что, как с типологической точки зрения, так и принимая во внимание конкретные факты русского языка, наиболее адекватным является второй ответ. Иными словами, в русском языке видовые пары обоих типов, несмотря на различные морфологические механизмы их образования, относятся к единой словоклассифицирующей категории вида.

Литература:

- Гловинская 1982: Гловинская, М. Я.: *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва: Наука.
- Горбова 2015: Горбова Е. В.: Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? *Вопросы языкознания*, № 1, с. 7–37.
- Маслов 1990: Маслов, Ю. С.: Вид. In: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, с. 83–84.
- Плунгян 2011: Плунгян, В. А.: *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва: РГГУ.

- ТОММОЛА 2008: ТОММОЛА, Х.: Аспектуально-значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары. In: *Humaniora Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, с. 218–232.
- ВАРЕНТСЕН 1985: ВАРЕНТСЕН, А. А.: 'Tijd', 'Aspect' en de conjunctie пока. *Over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch*. Amsterdam: University of Amsterdam.
- КОМРИЕ 1976: КОМРИЕ, В.: *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge U. Press.
- ДАХЛ 1985: ДАХЛ, Ö.: *Tense and aspects systems*. Oxford: Blackwell.

Между синтаксической фраземой и синтаксической конструкцией. Нетривиальные случаи микросинтаксической неоднозначности¹

Леонид Лейбович Иомдин

Институт проблем передачи информации РАН им. А.А. Харкевича,
Москва

iomdin@iitp.ru

Среди микросинтаксических единиц языка имеются такие, идентификация, дифференциация и даже адекватная номинация которых вследствие запутанной структуры многозначности или омонимии чрезвычайно затруднена. В русском языке такая ситуация особенно часто встречается среди единиц, образованных из служебных слов – местоимений, наречий, частиц, союзов.

Как известно, для разрешения многозначности лексических единиц в компьютерной лингвистике полезно использовать лексически размеченные корпуса текстов, в которых многозначным словам приписывается определенное значение, заданное каким-либо лексикографическим ресурсом. Такие корпуса текстов играют определяющую роль в решении класса задач, объединяемых термином *word sense disambiguation* (WSD). Эти задачи решаются различными методами машинного обучения. Однако корпуса текстов очень полезны и при решении задач дизамбигуации в рамках теоретической семантики и лексикографии без привязки к проблематике компьютерной лингвистики.

Между тем, если корпуса, размеченные значениями обычных слов, уже имеются в распоряжении исследователей, то подобных ресурсов, в которых бы аннотировались фразеологические единицы какой бы то ни было природы, в том насколько известно автору, до последнего времени не существовало.

Мы решили исправить это положение вещей и добавили микросинтаксическую разметку в разрабатываемый нами аннотированный корпус русских текстов *СинТагРус*, уже содержащий несколько типов разметки. При разметке корпуса микросинтаксическими элементами мы использовали две стратегии:

- 1) сплошной просмотр текста и отыскание в нем всех кандидатов в микросинтаксические элементы;
- 2) предварительный поиск в корпусе последовательностей слов, относительно которых нам уже было известно, что они могут образовывать микросинтаксические единицы. Это, например, такие последовательности, как *всё равно*, *как будто*, *коль скоро*, *разве что*, *пока что*, *только лишь* и т.д. В результате просмотра мы получали черновой вариант разметки, с которым производилась дальнейшая работа.

В ходе разметки выяснилось, что количество микросинтаксических элементов в тексте весьма значительно: в некоторых текстах четверть предложений содержат хотя бы один такой элемент.

¹ Автор выражает искреннюю признательность Российскому гуманитарному научному фонду, при финансовой поддержке которого (грант № 15-04-00562) выполнена настоящая работа.

Мы рассматриваем два конкретных примера синтаксических фразем, представленных в подкорпусах, полученных по второй стратегии – *в силу* и *как бы*.

Из первого подкорпуса выделяются следующие синтаксические фраземы:

1) составной предлог *в силу* ‘вследствие, из-за’ ср. *В силу специфики Москвы даже общепризнанные критерии нельзя считать основными*;

2) микросинтаксическая единица, которую можно назвать “в такую-то силу”, ср. *Мы не в состоянии в полную силу активизировать бизнес*. Кроме того, в полученной выборке последовательность слов *в силу* часто появлялась в составе выражений типа *вступить в силу*. Здесь нет синтаксической фраземы, а имеет место особое значение существительного *сила* ‘правомочность’. Характерно, что *сила* в этом значении употребляется лишь в сочетании с некоторыми лексическими функциями – *InserOper1* (*вступить в силу*), *FinOper1* (*утрачивать силу*), и со слабо идиоматичными вариантами *Oper1* (*быть в силе* и *оставаться в силе*). Из-за частотности таких сочетаний нам представляется разумным временно фиксировать их в микросинтаксической разметке корпуса в качестве *false positives* с тем, чтобы контексты, соответствующие этим сочетаниям, можно было бы использовать при автоматической дизамбигуации обычных и микросинтаксических единиц.

Хотя в данном случае *СинТагРус* вполне репрезентативен относительно синтаксических фразем, за его пределами существует еще одна известная автору единица, содержащая *в силу*: это адverbиал со значением ‘на уровне’, ср. *издать в силу первого разряда, первоурядника, гротмейстера* и т.д.

Из второго подкорпуса, полученного по той же стратегии предварительного поиска кандидатов в синтаксические фраземы мы извлекли выборку, содержащую последовательность элементов *как* и *бы*. Анализ этого материала показал, что открывающаяся в нем микросинтаксическая картина весьма интересна.

Значительная часть предложений содержит синтаксическую фразему *как бы 1*, которую можно трактовать как дискурсивную частицу со значением сравнения или неуверенной номинации; ср. *Толпа состояла из люда простого, и чекистам было не с руки хватать как бы своих – трудящихся* [А.Ткаченко]. В этом предложении говорящий считает, что номинация *своих* – это натяжка, на самом деле они не вполне свои. С точки зрения внутреннего устройства единица *как бы 1* – почти единое слово.

Вторая синтаксическая фразема, идентифицируемая в подкорпусе – это союз *как бы 2*, который сильно управляется предикатами, выражающими значение опасения – *бояться, опасаться, смотреть боязнь, страх, страшно, боязно*; ср: *Во Фрейбурге за ним (Горьким) по пятам ходили шпики: немецкие, – боявшиеся, что он сделает революцию, и советские, – следившие, как бы он не сделал контрреволюцию* [В. Ф. Ходасевич].

Следующая синтаксическая фразема, составленная из *как* и *бы* – это модальное слово, имплицитно выражающее желание говорящего – *как бы 3*; ср. *Как бы в каменный век не скатиться*. На первый взгляд, эта фразема близка к единице *как бы 2*: в обоих случаях идет речь о желании говорящего не столкнуться с некоторой неприятной ситуацией (и, стало быть, о его опасении, что таковая может произойти). В последнем примере в сферу действия предиката желания говорящего входит глагол *скатиться* вместе с отрицанием: говорящий желает «нескатывания» в ка-

менный век, в то время как в предложениях с *как бы* 2 в сферу действия предиката опасения как раз отрицание не входит.

Еще одна фраза, попавшая во второй подкорпус – это дискурсивная единица *как бы не так* ≈ ‘вопреки ожиданиям, дело обстоит по-иному и притом хуже’, ср. *Вы думаете: теперь он, по крайней мере, уйдёт? Как бы не так!* [И. С. Тургенев]. Наконец, в корпусе встречается весьма распространенный вводный оборот *как бы то ни было*, с вариантом *как бы там ни было*, который тоже можно считать микросинтаксической единицей, ср. *Теперь всё это было позади, но как бы там ни было, видеть шпиона Гарднера было ему неприятно* [Ю. О. Домбровский].

Данный подкорпус содержит ряд предложений, которые не содержат микросинтаксических элементов, сформированных *как бы*. В частности, это предложения с частицей *ни* типа *Как бы нам ни хотелось быстро повысить качество школьного образования, на это потребуются еще много лет*. Заметное число предложений представляют случаи управления *как бы* со стороны глаголов типа *думать*: *Стою и думаю, как бы мне добраться домой*. В подобных ситуациях мы имеем дело с управлением косвенным вопросом со стороны глагола: *как* просто один из вариантов такого вопроса и стоит рядом с *бы* по случайным причинам.

Укажем в заключение, что, как и в случае с *в силу*, корпус достаточно репрезентативен относительно постулируемых синтаксических фразем. В то же время и здесь за пределами корпуса обнаруживается одна любопытная единица, формируемая из *как бы*. Имеются в виду конструкции типа *Как бы не буря московская собирается* ≈ ‘Есть признаки, что собирается московская буря, а это нежелательно’. Здесь, как и в случае *как бы* 2, обязательно семантически пустое отрицание – но оно стоит не перед глаголом, а рядом с *как бы*, образуя, на наш взгляд, синтаксическую фразу, которую уместно назвать ‘*как бы не*’. Хотя распространенность этой фраземы не высока, она не уникальна, ср. *На миг насторожил Рубахина ветер, шумнувший в кустах. Как бы не шаги?* [В. Маканин]. У этой фраземы есть достаточно близкий синоним – единица *уж не* (с обязательным присутствием *ли*), ср. последний пример и выражение *Уж не шаги ли?*

Between the Syntactic Idiom and the Syntactic Construction. Hard Cases of Microsyntactic Ambiguity

Abstract. The paper discusses several microsyntactic units in Russian found in a microsyntactically annotated fragment of a Russian dependency treebank, SynTagRus. The units are formed with word sequences *v silu* and *как бы*. Special attention is given to cases of ambiguity between various syntactic idioms and between syntactic idioms and free combinations.

Teze PLK jako cesta k procesuálním gramatikám slovanských jazyků

Jan Kořenský

Univerzita Palackého, Olomouc

jan.korensky@upol.cz

Spojitosť programových dokumentů pražského lingvistického strukturalismu, zejména v podobě Tezí předložených 1. sjezdu slovanských filologů v Praze 1929 (dále Teze), s tehdy novými cestami zkoumání právě slovanských jazyků je všeobecně známá a dostatečně doložená. Dělo se tak pochopitelně především zásluhou ruských „členů“ a blízkých spolupracovníků kroužku, zejména R. Jakobsona a N. Trubeckého, ale i „neruských“ osobností jako byl B. Havránek aj. Z historického hlediska tu sehrály významnou roli i kontakty se školou Baudouina de Courtenay. Pro celkové směřování těch, kteří se k Pražské škole zejména v padesátých až sedmdesátých letech stále programově hlásili, bylo podstatné konstruování tzv. rovinových, stratifikačních modelů jazyka ve smyslu klasického langue, přičemž podstata a podoba těchto modelů se výrazně lišila od stratifikačních modelů navazujících na podněty amerického deskriptivismu a distribucionalismu, i když nechybějí ani práce, které usilovaly o integraci těchto v zásadě různých přístupů (srov. např. P. Sgall). Dá se snad i říci, že vrcholným obdobím těchto klasických strukturalistických představ založených na dualitě jazyka a řeči (langue a parole) bylo stratifikační myšlení, které se projevilo v koncepcích „velkých, akademických gramatik“ slovanských jazyků (ruština, polština, čeština, bulharština) vznikajících v sedmdesátých a osmdesátých letech minulého století.

Naproti tomu nechybějí více či méně explicitně vyjadřované názory, že v té epoše vývoje novodobé jazykovědy, kterou jsme zvyklí charakterizovat jako programovou interdisciplinárizací, jako obrat k mluvené komunikaci, k diskurzu, jako pragmatizaci lingvistického myšlení atd., nemají základní myšlenky Tezí již co říci. Vyjádřime-li se klasickým strukturalistickým pojmoslovím, jde o „odvrat“ od problematiky langue a o příklon ke zkoumání parole, o odvrat od systému jazyka k textu, k diskurzu. Věc se přitom vykládá zároveň tak, že tato současná etapa vývoje lingvistického myšlení již nepotřebuje řešit problémy a otázky globálního a komplexního systémového myšlení (tak charakteristického pro klasická strukturalistická období), což samo o sobě ruší platnost a relevanci klasických strukturalistických podnětů v kontextu současných tendencí.

Cílem tohoto příspěvku bude ukázat, že: 1. současná vývojová etapa jazykovědného myšlení adekvátní globální a komplexní systémové myšlení potřebuje, 2. v Tezích jsou explicitně přítomny předpoklady toho „pragmaticko-komunikačního“ vývoje lingvistického myšlení, které je v současnosti dominantní.

Klíč k prokázání platnosti 1. a 2. lze nalézt v prvním odstavci Tezí a v Mathesiových pojmech činnost pojmenovací a činnost usouvztažňovací, které nebyly v post klasickém strukturalistickém myšlení ke škodě věci soustavně rozvíjeny. Klíč k řešení tohoto metodologického rozporu lze spatřovat v tzv. procesuálních gramatikách.

Gramatikalizácia versus lexikalizácia? K syntaktickej validite gramatikalizačných a lexikalizačných procesov

Lubomír Kralčák

Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra

lkralcak@ufk.sk

Gramatikalizácia i lexikalizácia sa tradične chápu ako vzájomne protichodné javy. Niektoré názory prezentujú dokonca vzťah medzi oboma týmito javmi ako v istom zmysle reverzibilný, pričom sa argumentuje tým, že lexikalizácia sa javí ako jeden z typov degramatikalizácie. Treba však poznamenať, že tradične deklarovaná protikladnosť procesov lexikalizácie a gramatikalizácie neplatí absolútne, ba ukazuje sa, že na určitej úrovni realizácie týchto javov dochádza k ich prelínaniu, či dokonca k efektu čiastočného splývania.

1. Všeobecne sa prijíma, že gramatikalizácia je neodlučiteľne spojená s desémantizáciou, resp. že bez zmeny obmedzujúcej významovú stavbu slova ku gramatikalizácii nemôže dôjsť. Podstatou desémantizácie jazykového prostriedku je redukcia jeho pôvodnej sémantickej štruktúry. Takáto štruktúra je založená na prítomnosti kategoriálnych, subkategoriálnych a individuálnych sémantických príznakov (komponentov). Uvedené členenie sémantickej štruktúry slova vychádza z hierarchického odstupňovania sémantických príznakov podľa stupňa abstrakcie.

2. Gramatikalizácia ako proces založený na desémantizácii môže mať dvojakú podobu. V prvom prípade sa gramatikalizácia uskutočňuje vďaka takej desémantizačnej redukcii významovej štruktúry autosémantického slova, ktorá je spojená s jeho transkategorizáciou, t. j. premenou jeho pôvodného slovnodruhového statusu na status synsémantika. Iný, avšak nie zásadne odlišný spôsob gramatikalizácie umožňuje taká desémantizácia, ktorej výsledkom sú slová významovo síce ochudobnené, no nevykazujúce transkategorizačný posun.

Druhý prípad predstavuje takú desémantizáciu znamenajúcu proces gramatikalizácie, ktorá nevykazuje transkategorizačný posun. Autosémantikum sa tu gramatikalizuje ako súbor tvarov, ako paradigma. Pri tomto type gramatikalizácie dochádza k strate sémantických komponentov počnúc najnižšou mierou ich abstrakcie.

3. Hľadanie pomeru medzi dynamickými procesmi gramatikalizácie a lexikalizácie vzhľadom na premietanie ich výsledkov na syntaktickom pláne jazyka sa ukazuje ako vhodný nástroj na sledovanie ich konštrukčnej typológie. Rozhodujúce je to, či sa významovo redefinuje autosémantické alebo synsémantické (neplnovýznamové) slovo, resp. viacslovné pomenovanie, príp. jeho časť.

Konkrétny prípad desémantizácie môže byť chápaný dvojako – aj ako gramatikalizácia, aj ako lexikalizácia. Neplatí to však bezvýnimočne o každej gramatikalizácii ani o každej lexikalizácii.

Грамматикализованные значения болгарского глагола на фоне спряжения в остальных славянских языках

Иван Куцаров

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“
kutsarov@uni-plovdiv.bg

Широко известно, что болгарский глагол – экзотическое явление (С. Иванчев). Он насчитывает свыше 1500 словоформ (П. Пашов), что является результатом наличия у этой части речи множества грамматикализованных значений, а значит – и большого числа морфологических категорий. Экзотическими для славянских языков являются значения результативности, относительности, умозаключительности, пересказывательности, засвидетельственности, которые лежат в основе категорий вида действия (категории перфекта), таксиса (категории имперфекта), наклонения (наличия четвертого – умозаключительного наклонения, или конклюдива), вида высказывания (категории пересказывательности, или ренарратива), очевидности (категории засвидетельственности, или эвиденциала).

Совершенно естественно, что в кодифицированном в 1945 году на основе юго-западных болгарских говоров македонском литературном языке проявляются все перечисленные особенности болгарского глагола. Остальные современные славянские языки не обладают вышеуказанными морфологическими категориями. И все-таки о частичных проявлениях результативности можно говорить в языках, в которых сохраняется перфект и плюсквамперфект, – это сербский, хорватский, верхнелужицкий, нижнелужицкий, чешский, польский, словацкий, белорусский, украинский. Можно говорить и об относительности, или зависимом таксисе, в языках, сохранивших имперфект, плюсквамперфект или относительный кондиционал, – это сербский, хорватский, верхнелужицкий, нижнелужицкий, чешский, польский, словацкий, а также о засвидетельственности в языках, сохранивших аорист и имперфект, – это сербский, хорватский, верхнелужицкий и нижнелужицкий.

Некоторые вопросы в связи с максимой Грайса о качестве сообщения

Руселина Ницолова

Софийски университет „Св. Климент Охридски“
nitsolova@slav.uni-sofia.bg

Основы современной общей прагматики с точки зрения принципов коммуникации представлены в теории речевого общения, созданной во второй половине прошлого века оксфордским философом Гербертом Полом Грайсом в рамках философии языка. В этой теории Грайс проводит четкое различие между тем, о чем говорится в высказывании, и тем, что имплицитно, подразумевается в данном контексте или ситуации в зависимости от фоновых знаний коммуникантов. То, о чем говорят, считается Грайсом главными максимами речевого общения, которые объединяются в принципе кооперации. Эти максимы продолжают традицию, связанную с Аристотелем, Блаженным Августином, Фомой Аквинским и Кантом с его категорическим императивом об истинности.

В докладе рассматриваются некоторые случаи нарушения субмаксимы Грайса о качестве информации, т.е. об истинности. К категории качества относится общий постулат “Старайся, чтобы твое высказывание было истинным”, а также два более конкретных постулата:

1. “Не говори того, что ты считаешь ложным.”
2. “Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований.” (Грайс 1985: 221).

Надо отметить, что сам Грайс подчеркивает, что он говорит о стандартном виде речевой практики, которую не все или не большинство людей практикуют, но эта практика разумна и не надо ее забывать (Грайс 1975/1996: 159), т.е. у его максим дескриптивный, а не прескриптивный характер.

Максимы Грайса и исследования в области искусственного интеллекта. Интересно отметить, что неожиданно максимы Грайса подтверждаются исследованиями в области искусственного интеллекта, которые показали, что в компьютерных программах следует постоянно соблюдать все эти максимы. Если этого не делать, человек-коммуникатор будет постоянно видеть в высказывании компьютера больше, чем планировали создатели программы (БЕРНСЕН и др. 1996, цит. по: ГРЕЕНАЛ 2006).

Проблема истинности является объектом обширной литературы философского, этического, логического, прагматического и этнолингвистического характера. У этой проблемы три основных аспекта: соответствие между содержанием высказывания и действительностью; отношение между когнитивным состоянием говорящего *искренность* и содержанием высказывания; отношение между когнитивным состоянием говорящего *адекватная информированность (evidence)* и содержанием высказывания. Кроме того, следует добавить социальную роль истинности в общении (более подробно см. у МАРЕЛИ 2002).

Истинность в семантике естественного языка. Со времен Аристотеля истинность является одним из основных типов ценностей в семантике, но в последние 25 лет получают развитие новые семантические теории естественного языка, которые не считают истинность основной

семантической ценностью. Это теории динамической семантики, текстовой репрезентации, семантики изменений файлов (Update Semantics).

Искренность говорящего и истинность высказывания. Области человеческой деятельности, в которых искренность представлена слабо. Таковы, например дипломатия, политический дискурс с его манипулятивным характером, проявляющимся в СМИ и институтах, коммуникация в бюрократических учреждениях, общение врачей с пациентами, общение в полиции, в армии и др. Ср., напр., у Вольтера: «Когда один дипломат говорит *да*, он думает “может быть”»; когда он говорит *может быть*, он думает “нет”»; Когда он говорит *нет*, он не дипломат» (цит. по: КОРГА – ПЕРИ 2015).

Искренность и этикет. Максима искренности не соблюдается говорящим в зависимости от определенных моделей речевого поведения, обусловленных воспитанием и правилами вежливости. С этим связаны нормы этикета, различные в разных культурах и определяющиеся социальной дистанцией или близостью коммуникантов. При выражении учтивости, когда говорящий стремится сохранить свой положительный или отрицательный образ (face), т.е. представление слушателя о себе, он часто нарушает максимум искренности (см. подробнее: БРАУН – ЛЕВИНСОН 1987).

Истинность и информированность. Hedges. Вторая субмаксима истинности *Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований* (evidence) порождает много вопросов. Прежде всего это вопрос о границах адекватной информированности, которая, естественно, ограничена личным опытом говорящего и зависит от времени, места, восприятия говорящим действительности и от возможности пользоваться чужим опытом. Язык создал разные средства для сигнализирования об ограниченной информированности говорящего. Таким образом говорящий уменьшает свою ответственность за достоверность своего сообщения. Одним из таких средств являются т. наз. hedges, точнее hedged performatives – термин, который пережил много модификаций в своем содержании и объеме. В настоящее время преобладает мнение, что hedges – это прагматические маркеры, которые указывают на неопределенность высказывания и уменьшают ответственность его автора за истинность пропозиции. Напр., *Я думаю, что в Аляске холодно; Можно предположить, что развитие этой формы произошло подобным образом.*

МАРКАНЕН и ШРЕДЕР (1997: 5–6), которые изучают hedges в научных текстах, считают их модификатором ответственности автора за истинность пропозиции, модификатором значимости представленной информации, а также выразителем отношения автора к информации. В научном стиле в качестве hedges выступают замена одних местоимений другими (напр., *мы* вместо *я*), использование пассива, чтобы не обозначить агенса, употребление различных безличных конструкций с той же целью и др., напр.: *Смята се, че...* ‘Считается, что...’ вместо *Х смята, че...* ‘Х считает, что...’, *Може да се оспори твърдението, че...* ‘Можно оспорить утверждение, что...’ вместо *Аз мога да оспоря твърдението, че...* ‘Я могу оспорить утверждение, что...’, *Известно е, че...* ‘Известно, что...’. Оказывается, что разные языковые элементы могут выполнять функцию hedges, которые ЛАКОФФ (1973) считает средствами размытой логики (fuzzy logics).

Лексические и грамматические средства для обозначения разной степени информированности говорящего. Существует множество не только лексико-синтаксических, но и грамматических средств (прямых и косвенных) для

модификации степени ответственности говорящего за истинность пропозиции, выражаемой в высказывании. Такими средствами в болгарском языке являются квантификаторы неопределенности (артиклы, неопределенные местоимения, числительные, выражающие неопределенное количество (*пет-шест* ‘пять-шесть’, *десетина* ‘около десяти’, *стотина* ‘около ста’ и под.), модальность, эвиденциальность и др. В докладе рассмотрим косвенное обозначение разных степеней достоверности эвиденциалами в болгарском языке.

В заключение можно сделать очень важный вывод о том, что истинность и неистинность – это два полюса, между которыми существует множество степеней более сильной или более слабой информированности говорящего. Говорящий обычно информирует слушателя о степени истинности своего сообщения, может обозначить и нежелание выражать собственную оценку истинности – при употреблении ренарратива, когда передается чужая речь, а может и не согласиться с оценкой истинности автора речи, когда автор не совпадает с говорящим (при употреблении дубитатива в болгарском языке). Употребление hedges приводит к размыванию семантической ценности высказывания и не дает слушателю основания оспорить истинность высказывания. Если значение грамматических средств по отношению к выражению истинности строго определено, то лексико-синтаксические hedges определяют свое значение лишь в данном конкретном контексте. Пока почти не исследован вклад грамматических и лексико-синтаксических hedges в рассматриваемой области, а также их взаимоотношение в высказывании. Это очень широкая проблема, которая ждет своих исследователей.

Литература:

- БЕРНСЕН и др. 1996: BERNSEN, N. O. – ДУВКЈЕР, Н. – ДУВКЈЕР, L.: Cooperativity in human-machine and human-human spoken dialogue. *Discourse Processes* 21, p. 213–236.
- БРАУН – ЛЕВИНСОН 1987: BROWN, P. – LEVINSON, S.: *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- ГРАЙС 1975/1996: GRICE H. P.: Logic and Conversation. In: P. Cole, J. Morgan (eds.): *Syntax and semantics*, vol. 3. New York: Academic Press 1975, p. 41–58; In: A. P. Martinich (ed.): *The Philosophy of Language*. New York – Oxford: Oxford Univ. Press 1996, p. 156–182.
- ГРАЙС 1985: ГРАЙС, Х. П.: Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика*. Перевод с английского. Москва: Прогресс, с. 217–234.
- ГРЕНАЛ 2006: GREENALL, A. K.: Maxims and Flouting. In: *Concise Encyclopedia of Philosophy of Language and Linguistics*. A. Barber, R. J. Stainton (eds.). Elsevier Ltd.
- КОРТА – ПЕРИ 2015: KORTA, K. – PERRY, J.: Pragmatics. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. USA (Main Site): CSLI, Stanford University.
- ЛАКОФФ 1973: LAKOFF, G.: Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 4, p. 458–508.
- МАРЕЛИ 2002: MARRELLI, J. V.: Truthfulness. In: Verschuieren, J., J.-O. Östman, J. Blommaert, Chr. Bulcaen (eds.): *Handbook of Pragmatics 2002*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publ. Co, p. 1–48.
- МАРКАНЕН – ШРЕДЕП 1997: MARKKANEN, R. – SCHRÖDER, H.: Hedging: A Challenge for Pragmatics and Discourse Analysis. In: R. Markkanen, H. Schröder (eds.). *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin – New York: de Gruyter, p. 3–20.

Use of the numeral *jeden* ‘one’ as an indefinite marker in Kashubian in comparison with other Slavic languages

Motoki Nomachi

Hokkaido University, Sapporo
mnomachi@slav.hokudai.ac.jp

According to LORENTZ (1958), the numeral *jeden* ‘one’ in Kashubian, including the Słovincian dialect, functions as an indefinite article, for instance: *Trafil na drodze jednégo chłopa* ‘He met a guy on the road’, *Běła róz jedna bialka* ‘Once upon a time there was a woman’, *Jedno dzeckò szło na jagòdźe* ‘A child went to pick up berries’.

Lorentz expresses the opinion that this phenomenon can be explained as a result of German influence. This statement may not be surprising, because those Slavic languages that have been in close or even absolute contact with such languages with fully grammaticalized articles as Germanic or Romance, often have established articles or similar constructions of their own (cf. BREU 2012, BENACCHIO 2015, HEINE and KUTEVA 2006, FRIEDMAN 2015, NITSOLOVA 2008 and many others). However, Lorentz did not give any reason for justifying the claim that the numeral *jeden* is an indefinite article. In addition, since the time of Lorentz, who conducted the survey in the early 20th century, the language contact situation around Kashubs has totally changed especially after the World War II. Taking all of this into consideration, in my presentation I am going to describe the use of *jeden* in contemporary Kashubian and analyze its diachronic changes.

In addition, I am going to compare Kashubian with other Slavic languages, particularly those languages which have been under the influence of German, such as Sorbian and Burgenland Croatian, from the perspectives of typology and language contact.

Literature:

- BENACCHIO 2015: БЕНАККЬО, Р.: Грамматикализация определенного и неопределенного артикля в словенском языковом ареале. In: *У простору лингвистичке славистике. Зборник научних радова поводом 65 година живота академика Предргаз Питефа*. Београд, с. 161–174.
- BREU 2012: BREU, W.: The grammaticalization of an indefinite article in Slavic micro-languages. In: *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*. Berlin – Boston, p. 275–322.
- FRIEDMAN 2015: FRIEDMAN, V.: *Macedonian Studies* 2. Skopje.
- HEINE – KUTEVA 2006: HEINE, B. – KUTEVA, T.: *The Changing Languages of Europe*. Oxford.
- LORENTZ 1958: LORENTZ, F.: *Gramatyka pomorska*. T. 1. Wrocław.
- NITSOLOVA 2008: НИЦОЛОВА, Р.: *Българска граматика. Морфология*. София.

Категория посессивности с позиций КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Борис Юстинович Норман

Белорусский государственный университет, Минск
boris.norman@gmail.com

Посессивность (притяжательность) – это языковая категория, суть которой – выражение многообразных отношений между объектами (прежде всего человеком и предметом). Можно охарактеризовать данные отношения в узком смысле слова как «обладание (владение)» и «принадлежность». Однако богатство этих отношений в реальности и многообразие средств, их выражающих, позволяет использовать термин *посессивность* как «зонтичный», покрывающий собой значительную часть информации, получаемой человеком в процессе познания действительности.

При таком широком понимании посессивности целесообразно представлять ее как функционально-семантическое поле со своим центром и периферией. К ядерной части поля в славянских языках относятся притяжательные местоимения в их прямой функции (*мой, твой, наш* и т.п.), конструкции с глаголами *иметь* и *быть* (*У меня есть время; Я имею время, У меня нет времени*), а также зависимым родительным падежом и его аналитическими эквивалентами в болгарском и македонском (*книга Петра; книга на Петър* и т.п.). Периферийную же часть поля образуют многообразные лексические и синтаксические средства выражения реляционности (т.е. отношений части от целого, локации объекта, предназначенности объекта и т.п.). Вся совокупность языковых явлений, соответствующих «идее посессивности», может быть выстроена в некую последовательность, иерархию по степени грамматичности, с которой может быть соотнесен и интерпретационный компонент (план содержания). Вообще представляющий большой интерес проявления процессов грамматикализации и лексикализации в данной сфере.

Притяжательным местоимениям свойственно развивать в себе различные прагматические оттенки, которые могут заслонять собой собственно грамматическое значение (ср. рус. *дорогой мой; не твоё дело* ('отстань!'), *не наш человек; ваш брат* ('ты и такие, как ты'), *свой в доску* и т.п. В докладе будут также рассматриваться особые ситуации в сфере посессивности – такие как совместное владение (рус. *У меня у вас вклад*), синтаксическое «поглощение» посессора (*ее соседская девочка*), «интимизация» отношений посессивности (*ты у меня, мы у тебя*), обозначение неотчуждаемой принадлежности (*сломать сопернику руку*), активизация в современном русском языке класса притяжательных прилагательных (*обменниково окошко*) и т.п.

Посессивные отношения могут быть более глубокими и константными, а могут – более поверхностными и временными. Они могут быть непосредственными и опосредованными. Наконец, как будет показано в докладе, они могут быть дискурсивно обусловленными.

K marginálním infinitivním konstrukcím (zejména v češtině)

Jarmila Panevová

Univerzita Karlova, Praha
panevova@ufal.mff.cuni.cz

1. „Regulérní“ infinitivní konstrukce
 - 1.1 Syntaktické funkce:
Podmět: *Létat letadlem je nebezpečné.*
Předmět: *Ivan se bojí létat letadlem.*
Přívlastek: *Nápad letět do Brna letadlem není rozumný.*
Doplněk: *Ivan viděl přistávat v Ruzyni letadlo.*
 - 1.2 Morfologické funkce:
Futurum impf vidu: *České aerolinie budou létat do Šangaje.*
Modalita: *Do Bratislavy můžeš letět letadlem.*
2. Podkategorie 1.1: raising vs. control (kritéria: theory-dependent a language-dependent) – akuzativ s infinitivem
 - 2.1 Po slovesech *vidět, slyšet, cítit; zastihnout, přistihnout* (ECM – Raising-to-Subject)
Viděla profesora vcházet do posluchárny.
Zastihla matku ležet v posteli.
 - 2.2 Po slovesech: *zasloužit (si), potřebovat, chtít₂* (Raising-to Object)
Dcera si zasloužila odměnit.
Váš syn potřebuje nařezat.
Vnučka chce podat čokoládu.
 - 2.3 Po slovesech *přinést, přivést, přivést*
Přiveďte maminku za týden ukázat.
Přivezli pacienta zrentgenovat.
[vs. *Přinesl mi knihu přečíst.*]
- 3.1 Okrajová konstrukce – produktivní

<i>Nemá co dělat</i>	<i>Není co dělat</i>
<i>Neměla čím psát</i>	<i>Není čím psát</i>
<i>Nemá proč plakat</i>	<i>Není proč plakat</i>
<i>Máme o čem mluvit</i>	<i>Je o čem mluvit</i>
- 3.2 Okrajové konstrukce – neproduktivní
Má auto stát v garáži
Mám šaty viset ve skříni
Matka byla nakupovat
Ivan byl/je boxovat

Typologie: jazyky *esse* a *habere* – v češtině převažuje typ **habere**

O tipologiji iskaza

Ljubomir Popović

Univerzitet u Beogradu

fonljupo@gmail.com

Iskazi koji se javljaju u dijaloziima i pisanim tekstovima razlikuju se u raznim aspektima: po konstrukciji, semantičkom sadržaju, informativnoj aktualizaciji i artikulaciji, komunikativnoj funkciji, obimu upotrebe, diskursnim efektima i dr. Cilj rada je da se nađe skup parametara koji će omogućiti odgovarajuću kompleksnu tipologiju iskaza.

Ova problematika će biti obrađena na materijalu iz srpskohrvatskog standardnog jezika i drugih standardnih jezika novoštokavske provenijencije.

О пассиве сербского плюсквамперфекта и его аналогах в других восточных и западных славянских языках

Људмила Поповић

Универзитет у Београду
ljudmilapopovic@yahoo.com

Временные формы глагола могут выступать в конструкциях с действительным и страдательным залогом. Однако не у всех временных форм есть одинаковый набор языковых средств для выражения актива и пассива. Пассив плюсквамперфекта в сербском языке преимущественно выражается аналитическими конструкциями с пассивным причастием. У пассивной формы плюсквамперфекта в сербском языке, как известно, две формы – трехчленная и двучленная. Трехчленная состоит из пассивного причастия и вспомогательного глагола *бити* в форме перфекта (*Град је био поплавлен*), а двучленная из имперфекта глагола-связки *бити* и пассивного причастия (*Град беше поплавлен*). В некоторых грамматиках сербского языка в качестве пассивной формы указывается также трехчленная форма типа *беше био поплавен* с оговоркой, что она не встречается в современном сербском языке.

Более частотные трехчленные формы пассива плюсквамперфекта в сербском языке могут также употребляться и в качестве пассива перфекта (*У том се звану налазио до 1970. године, када је та школа због реорганизације школства била укинута*), а реже встречаемые двучленные – в качестве пассива имперфекта, если причастие образовано от глагола НСВ (*Беседе беху стенографски записиване*). Определению временного аспекта пассивной грамемы способствуют семантика глагола и контекст: если форма пассива употребляется для обозначения ситуации, которая по некоторым причинам не состоялась либо ее осуществление не соответствует представлению о способе ее развития, речь идет о форме плюсквамперфекта.

Двучленные формы причастного пассива перфекта с глаголом-связкой *јесам* (*Кућа је изграђена крајем 16. века*) в сербском языке выражают значение актуального результата, что сближает их с формами причастного пассива не только настоящего, но и прошедшего времени в восточнославянских и западнославянских языках (ср. (рус.) *Дом был построен в конце 16 в.*; (чеш.) *Dům byl postaven koncem 16. stol.*). Соответствующие восточно- и западнославянские формы могут выражать и неактуальный результат (ср. (польск.) *Dom był zbudowany*, в отличие от *Dom został zbudowany*), а сербские страдательные формы плюсквамперфекта – актуальный (*Школа је била укинута 1970. године*). В работе поднимается вопрос, могут ли восточно- и западнославянские пассивные причастные формы прошедшего времени функционально приравниваться к плюсквамперфекту, влияя тем самым на категорию времени, то есть являясь в тех языках, в которых утрачена форма плюсквамперфекта в активном залоге, его пассивной граммемой, а с другой стороны, утрачивает ли страдательный плюсквамперфект в сербском языке свои функции, все больше приравниваясь к причастным пассивам прошедшего времени в других славянских языках, что делает возможным использовать его в таксисных конструкциях с целью указания на ситуацию, следующую во времени после ситуации, выраженной другой претеритальной глагольной формой.

Болгарская глагольная система: славянские и балканские основы

Helmut W. Schaller

Philipps-Universität Marburg
schalleh@staff.uni-marburg.de

Болгарский язык, будучи славянским, южнославянским и балканским языком, обладает в отличие от западно- и восточнославянских языков большим числом глагольных форм, в частности, финитными и нефинитными формами, которые могут быть составными и простыми, например, *чел е* 'он читал', *бих чел* 'я читал бы', но и *чел он* 'говорят, он читал'. Особенностью болгарского глагола является сочетание финитной формы с неизменяемой служебной частицей, как и в других балканских языках, например, *ще чета*, *ще четеш* 'буду, будешь читать'. Болгарский язык сохраняет и первоначальные староболгарские формы, такие как аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Новые категории – это будущее в прошедшем *щя да съм чел*, будущее предварительное *ще съм дал* и формы пересказывательного наклонения *чел съм*.

Все эти глагольные формы имеют обозначающие формы (*signa*), которые соответствуют обозначаемым (*designata*) в болгарском языке, но возникает вопрос: что есть мыслимое, переводимое с одного языка в другой, что есть содержащееся в мысли (*intentum*)?

Возможно, все эти особенности являются результатом взаимного влияния соседних балканских языков в рамках так называемого балканского языкового союза (а именно албанского, румынского, греческого и турецкого языков), а возможно, это частично следствие и самостоятельного развития болгарского языка.

Обстоятельства времени в грамматике

Hannu Tammola

University of Tampere
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
hannu.tammola@uta.fi

Рассматривая роль обстоятельств времени в грамматическом оформлении предложения (высказывания), остановимся в данном исследовании на взаимодействии лексической и акциональной (видо-временной) семантики. В центре внимания будут находиться сочетаемостные ограничения в употреблении того или иного вида в комбинации с временными обстоятельствами.

Задачей данного небольшого исследования является выявление возможных сочетаемостных ограничений, которые вызваны акциональными особенностями глаголов, входящих в разные акциональные классы. В нашей интерпретации в работе (Томмола 1998) акциональные классы были представлены в такой таблице:

	Длительность	Результативность	Динамичность	Контролируемость	Характер (дигит)	Примеры глаголов
Достижения	—	+	+	—	0110	‘найти’, ‘умереть’
Завершения	—	+	+	+	0111	‘дать’, ‘построить’
Происшествия	—	—	+	—	0010	‘блеснуть’, ‘вздрагнать’
Акты / Действия	—	—	+	+	0011	‘крикнуть’, ‘шагнуть’
Процессы	+	—	+	—	1010	‘течь’, ‘расти’
Деятельности	+	—	+	+	1011	‘кричать’, ‘шагать’
Отношения	+	—	—	—	1000	‘спать’, ‘слышать’
Состояния	+	—	—	+	1001	‘лежать’, ‘слушать’

Общезвестной является дополнительная дистрибуция сочетаемости совершенного вида (СВ) с обстоятельствами «максимальной продолжительности» типа *за какое-либо время* и несовершенного вида (НСВ) с обстоятельствами «минимальной длительности» типа *какое-либо время*, соответственно.

Кроме ситуаций «максимальной» и «минимальной длительности»

следует рассмотреть, например, обстоятельства, указывающие на просто время действия (когда?: *в тот момент, тогда, в то же время* и т.д.), или на повторяемость действия (как часто?: *обычно, иногда, каждый раз, постоянно* и т.д.).

Несмотря на то, что акциональные и семантические отношения предполагают универсальную годность, не мешает проверить также их типологическую верность.

Литература:

Томмола 1998: Томмола, Х.: Аспектуальная значимость результивной и квазирезультивной семантики. In: Станислав Каролак, Људмил Спасов (ред.): *Семантика и структура на словенскиот вид, 3*. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», Катедра за македонски јазик и јужнословенски јазици, с. 59–72.

Проблемы квалификации и классификации союзов и частиц как операторов сферы parole (на материале польского и русского языков)

Jadwiga Wajszczuk

Uniwersytet Warszawski

j.z.wajszczuk@uw.edu.pl

1. Союзы и частицы как синтаксически индифферентные мета-операторы структуры высказывания.
2. Союзы и частицы как мета-операторы т. наз. актуального членения (тематико-рематической структуры) высказывания.
3. «Главные «модусы» структуры высказывания – утверждение, предположение и отрицание – как сфера действия» союзов и частиц.

Перфекты в славянских языках

Björn Wiemer

Johannes Gutenberg-Universität Mainz

wiemerb@uni-mainz.de

Хотя перфекты в славянских языках исследованы уже довольно подробно,¹ нельзя сказать, чтобы их различия как в синхронном, так и в диахронном аспектах были описаны и поняты исчерпывающим образом. В своем докладе я задаюсь целью проследить лакуны в их изучении, чтобы стало возможным подвергнуть их комплексному описанию по одинаковым принципам и с учетом соприкасающихся грамматических различий (в первую очередь в области пассива, а также в области эвиденциальности). Эти принципы я буду обсуждать на основании обзора существующих перфектных «грамм»² в современных славянских языках, включая их диалекты, и с помощью матрицы параметров, которые служат комплексному исследованию релевантных конструкций. Из пустых клеток, которые остаются при заполнении матрицы, становятся очевидны лакуны в описании перфектов.

В основном перфекты оказываются наименее исследованы в отношении следующих аспектов:

1. Ограничения в охвате лексических единиц, допустимых в конструкциях перфекта. Считается, что перфект развивается из результативных конструкций (см. НЕДЯЛКОВ 1983; GIGER 2003; WIEMER – GIGER 2005) путем расширения их лексической базы. Но до сих пор не очень понятно, каким образом этот процесс коррелирует с другими принятыми параметрами грамматикализации (см. LENMANN 1995; KUTEVA 2001).
2. Зачатки перфектов в диалектах и других нелитературных разновидностях разных славянских языков. Подробнее всего изучено сложное ареальное и диахронное наслоение перфектов в македонском языке и в окружающем его регионе (см. FRIEDMAN 1976; GRAVES 2000; DRINKA 2012). В работах, посвященных другим южнославянским языкам/диалектам, как правило, описывается современное состояние (см. NOMASNI 2012a; ПОПОВИЧ 2015), но из этих работ не вытекает, в каком хронологическом соотношении находятся процессы, отвечающие за переход результативных конструкций в перфекты, и как их можно соотносить с картиной, наблюдаемой на восточных Балканах. Кроме того, было предпринято мало попыток соотносить результаты исследований по этому региону с положением, которое можно наблюдать в кашубском языке (см. NOMASNI 2012b), в ряде моравских диалектов (см. GIGER 2003; WIEMER – GIGER 2005), а также в северозападных русских говорах (см. WIEMER – GIGER 2005; SERZANT 2012; WIEMER – HANSEN 2012: 86–90).
3. В связи с хронологизацией процессов, ведущих от результатов к перфектам, невыясненным остается вопрос, почему в западнославянских языках конструкции на основе глагола HABERE, как кажется, почти

1 См. BREU 1988; THIEROFF 2000; TOMMOLA 2000 и многие другие.

2 Понятие 'gram', восходящее к работам ВУБЕЕ 1985; DAHL 1985; ВУБЕЕ – DAHL 1989; ВУБЕЕ – PERKINS – PAGLIUCA 1994, охватывает не только отдельные морфемы, но и целые конструкции (предикативные схемы). В случае славянских перфектов все граммы складываются из схем.

не изменились с самых ранних периодов письменности (см. GIGER 2003; MENDOZA 2013; BUNČIĆ 2015).

4. В ареальном отношении бросается в глаза, что перфект испытывает функциональное расширение в область эвиденциальности только на Балканах. Этот факт только частично можно объяснить контактами с неславянскими языками. Кроме того, ареальное распределение эвиденциального расширения перфектов не зависит от типа вспомогательного глагола (HABERE vs. ESSE; см. DRINKA, forthcoming) и, таким образом, не зависит и от основных стратегий кодировки актантов (alignment).

References:

- НЕДЯЛКОВ 1983: НЕДЯЛКОВ, В. П. (ред.): *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассивных, перфект)*. Ленинград: Наука.
- ПОПОВИЧ 2015: ПОПОВИЧ, ЈЛ.: Эвиденциальные функции глагольных форм прошедшего времени (аориста, усеченного перфекта, перфекта) в сербском языке. In: В. Wiemer (ed.): *Studies on evidentiality marking in West and South Slavic*. München: Sagner, p. 63–88.
- BREU 1988: BREU, W.: Resultativität, Perfekt und die Gliederung der Aspektdimension. In: J. Raecke (ed.): *Slavistische Linguistik 1987*. München: Sagner, S. 44–74.
- BUNČIĆ 2015: BUNČIĆ, D.: „To mamy wpajane od dziecka“ – a recipient passive in Polish? *Zeitschrift für Slawistik* 60, 3, p. 411–431.
- BYBEE 1985: BYBEE, J.: *Morphology: a study on the relation between meaning and form*. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins.
- BYBEE – DAHL 1989: BYBEE, J. – DAHL, Ö.: The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language* 13, 1/2, p. 51–103.
- BYBEE – PERKINS – PAGLIUCA 1994: BYBEE, J. – PERKINS, R. – PAGLIUCA, W.: *The evolution of grammar (tense, aspect, and modality on the languages of the world)*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
- DAHL 1985: DAHL, Ö.: *Tense and Aspect Systems*. Oxford – New York: Blackwell.
- DRINKA 2012: DRINKA, B.: The Balkan perfects: Grammaticalization and contact. In: В. Wiemer, B. Wälchli, B. Hansen (eds.): *Grammatical replication and borrowability in language contact*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, p. 511–558.
- DRINKA (forthcoming): DRINKA, B.: *Language Contact in Europe: The Periphrastic Perfect through History*. Cambridge etc.: Cambridge U. P. (Cambridge Approaches to Language Contact.)
- FRIEDMAN 1976: FRIEDMAN, V. A.: Dialectal Synchrony and Diachronic Syntax. *Chicago Linguistic Society: Papers from the parasession of diachronic syntax*, p. 96–103.
- GIGER 2003: GIGER, M.: *Resultativkonstruktionen im modernen Tschechischen (unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der übrigen slavischen Sprachen)*. Bern etc.: Lang.
- GRAVES 2000: GRAVES, N.: Macedonian – a language with three perfects? In: Ö. Dahl (ed.): *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, p. 479–494.
- KUTEVA 2001: KUTEVA, T.: *Auxiliation (An Enquiry into the Nature of Grammaticalization)*. Oxford etc.: Oxford U. P.
- LEHMANN 1995: LEHMANN, Ch.: *Thoughts on Grammaticalization*. München – Newcastle: Lincom Europa.
- MENDOZA 2013: MENDOZA, I.: Verhinderte Grammatikalisierung? Zur Diachronie von Resultativkonstruktionen mit *mieć* ‘haben’ im Polnischen. *Wiener Slavistischer Almanach* 72, S. 77–102.
- NOMACHI 2012a: NOMACHI, M.: On the so-called possessive perfect in standard Serbian language (with a glance at other Slavic languages). *Leptir Mašna: The literary journal of Balkan Studies* 9, 1, p. 89–97.

- NOMACHI 2012b: NOMACHI, M.: The Recipient-Passive Construction and Its Grammaticalization in Kashubian. In: A. Danylenko – S. Vakulenko (eds.): *Studien zu Sprache, Literatur und Kultur bei den Slaven (Gedenkschrift für George Y. Shevelov aus Anlass seines 100. Geburtstages und 10. Todestages)*. München – Berlin: Sagner, p. 109–135.
- SERZANT 2012: SERZANT, I.: The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. A diachronic and areal account. *Lingua* 122, p. 356–385.
- THIEROFF 2000: THIEROFF, R.: On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe. In: Ö. Dahl (ed.): *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, p. 265–305.
- TOMMOLA 2000: TOMMOLA, H.: On the perfect in North Slavic. In: Ö. Dahl (ed.): *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, p. 441–478.
- WIEMER – GIGER 2005: WIEMER, B. – GIGER, M.: *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten)*. München – Newcastle: Lincom Europa.
- WIEMER – HANSEN 2012: WIEMER, B. – HANSEN, B.: Assessing the range of contact-induced grammaticalization in Slavonic. In: B. Wiemer, B. Wälchli, B. Hansen (eds.): *Grammatical replication and borrowability in language contact*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, p. 67–155.

Гипотаксис в словенском языке: роли придаточных предложений с точки зрения особенности

Hipotaksa v slovenščini: vloge odvisnih stavkov z vidika posebnosti

Andreja Žele

Univerza v Ljubljani
andreja.zele@ff.uni-lj.si

- Семантическая трактовка синтаксиса имеет структурно-функциональную основу. В рамках соотношения *содержание придаточного предложения* × *содержание главного предложения* выделяется структурно-функциональный критерий, который устанавливает соотношение *член предложения* × *член предложения, выраженный предложением*, и таким образом вводит системный параллелизм.
- С точки зрения системного параллелизма или структуральной компонентной трактовки придаточных предложений на материале словенского языка будет показано, почему некоторые члены предложения не могут быть выражены предложением и как далеко простираются (семантико-синтаксически еще оправданные) возможности трансформации.
- Материал словенского языка также подтверждает, что придаточные предложения следует рассматривать как содержательное целое, напр., *Kadar mačke ni doma, miši plešejo* 'Когда кошки нет дома, мыши пляшут; Кот из дома – мыши в пляс', *Kjer se pripravata dva, tretji dobiček ima* 'Где двое ссорятся, третий потирает руки' – оба придаточных по содержанию условные, а не придаточные времени и места.
- Почему замена или трансформация не является подходящим соотношением между членом предложения и членом предложения со структурой предложения? В том числе и потому, что предложение имеет определенную глагольную форму с категориями лица, времени, наклонения, которые не могут быть трансформированы в равнозначный член предложения, выраженный лексемой или словосочетанием; помимо перечисленного, также существует соотношение, выраженное союзом или союзным словом.
- Из иного межпропозиционного соотношения исходят т. н. неподдлинные (не соотносимые с членом простого предложения) придаточные – представим наиболее типичные виды таких придаточных в словенском языке в рамках т. н. пропозиционной и синтаксической координации и грамматически-семантической роли при этом союзов и союзных слов.

